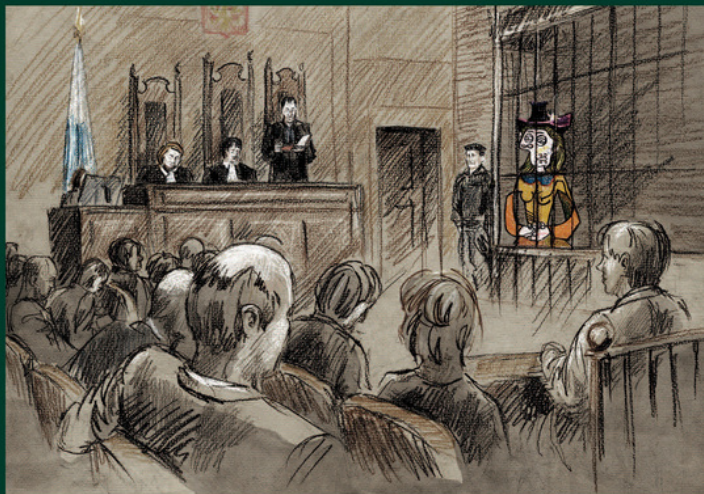

NB!

Виктор Вахштайн

Дело о повседневности

Виктор Семенович Вахштайн

Дело о повседневности

Серия «Nota Bene»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12117815

Дело о повседневности: Центр гуманитарных инициатив; Санкт-

Петербург; 2015

ISBN 978-5-98712-550-2

Аннотация

Повседневный мир – это сфера рабочей рутины, разговоров с друзьями и чтения новостей. Социология изучает то, как события повседневности сцепляются друг с другом, образуя естественный социальный порядок. Однако повседневный мир современного человека уже не так стабилен и устойчив, как привыкли думать социологи: возрастающая мобильность, экспансия гаджетов, смешение далекого и близкого, привычного и чуждого, заставляют исследователей искать ответы на пересечении разных миров – повседневности, искусства, техники, науки и права. Чтобы заново поставить вопрос о природе естественного социального порядка, автор «Дела о повседневности» переносит читателей в зал суда, используя в качестве иллюстративного материала судебные прецеденты разных стран и разных эпох. Виктор Вахштайн – профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук,

декан философско-социологического факультета РАНХиГС
при Президенте РФ, почетный сотрудник Университета
Манчестера.

Содержание

Введение	6
Убийство Эдварда Драммонда и теория множественных миров	11
Философия биткоина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Вахштайн

Дело о повседневности.

Социология в судебных прецедентах

© Вахштайн В., 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

* * *

Введение

Почтенная философская традиция, укорененная в истории идей, учит нас мыслить идеи как «вещи», обладающие собственным весом, функциями и силой инерции. Недавнее теоретическое решение, связанное с именами Б. Латура и Д. Маккензи¹, опирается на образ идеи как «действующего лица» (актанта), наделенного властью, интенцией и способностью вступать в коалиции с другими действующими лицами – людьми и материальными объектами. Таковы крайние точки континуума. Между ними лежит представление об идеях как о шахматных фигурах, сила и ценность которых целиком зависит от их положения на доске. Они действуют: перемещаются, ограничивают возможности других фигур, нейтрализуют, защищают или выводят их из игры. Ими движут великие теоретики, которые, несмотря на свое вели-

---

¹ Б. Латур (р. 1947) – один из самых известных современных социологов, создатель акторно-сетевой теории (ANT), Д. Маккензи (р. 1950) – представитель «эдинбургской школы» социологии, создатель родственной ANT теории перформативности. Труды обоих авторов были посвящены осмыслению хрупкости и условности границ между «миром вещей», «миром идей» и «миром людей». У Латура и Маккензи не только вещи действуют в социальном мире наравне с людьми, но и идеальные сущности – такие как формулы, модели и метафоры – способны к самостоятельному действию. См. *Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. *MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2006.

чие, неспособны произвольным образом менять их *modus operandi*.

Эта книга – исследование одной такой идеи, прошедшей путь от смутной литературной интуиции до мощной фило-софской, социологической и, как ни странно, юридической фигуры.

Многим из нас знакомо чувство избирательного сходства между событиями повседневной жизни, сновидения, художественного произведения или грёзы. Мы узнаем одно в другом: знакомого человека – в приснившемся животном, предмет собственных мучительных раздумий – в сюжете книги, воображаемую ситуацию – в ситуации реальной. Отсюда один шаг до представления о мире как о совокупности упорядоченных и некоторым образом связанных друг с другом реальностей, лишь одна из которых – реальность нашей повседневной жизни. Эти миры нельзя однозначно разделить на «субъективные» и «объективные». Насколько «субъективен» мир Дон Кихота? Мир Сервантеса? Мир читателей Сервантеса? Хотя мы можем пытаться упорядочить эти миры по степени их реальности, сегодня известны целые страны, в которых вымышленные события из репортажей СМИ обладают большей действительностью, чем события повседневной рутины граждан. Миры фантастического произведения, театральной постановки, теоретической конструкции, повседневной жизни и сновидения – суть само-

стоятельные «регионы», более или менее автономные друг от друга.

Эта интуиция закрепились в философии благодаря Уильяму Джеймсу² и получила название «теории множественных миров». Еще раньше этой интуицией руководствовались английские судьи, формулируя известные «Правила Макнотена», о которых будет рассказано далее. (Когда-то именно судебная практика была мерилom философской и социологической теории: конкурирующие способы мышления о социальном мире проходили апробацию не в полевых исследованиях, а в судах. Используя в качестве иллюстративного материала судебные прецеденты разных стран и разных эпох, мы ненадолго вернемся к этой модели обоснования.) На доску социологической теории идею множественных миров поставил создатель феноменологической социологии Альфред Шюц. Там она оказалась в своей стихии и немедленно атаковала привычную социологам теорию социального действия. Дальше последовала серия атак и контратак, хитроумных теоретических комбинаций и маневров. В руках таких гроссмейстеров как Ирвинг Гофман, Людвиг Витгенштейн, Джон Серль, Никлас Луман, Джон Ло эта идея приводила к рождению новых теоретических комбинаций и нейтрализации старых, попутно трансформируясь до неузнаваемости.

---

² У. Джеймс (1842–1910) – классик психологической теории, автор функционалистской психологии и один из ярких представителей философии прагматизма.

Наше исследование – попытка реконструкции сыгранных с ее помощью партий.

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не усилия нескольких людей. Я бы хотел отдельно поблагодарить Л. Г. Ионина, чья работа «Социология культуры»³, прочитанная мною на первых курсах провинциального психфака, подтолкнула меня к переходу в лагерь социологической теории. Когда полгода назад Леонид Григорьевич предложил мне сделать перерыв в бесконечной череде исследовательских проектов и изложить на доступном языке интересующие меня проблемы социологии повседневности, я немедленно последовал его совету. (Насколько это удалось – судить читателю.)

Вторая благодарность – В. А. Мау и С. Г. Синельникову. Благодаря научно-исследовательскому проекту РАНХиГС «Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования» я сумел вырваться из колеса сбора-обработки-анализа-презентации эмпирических данных и вернуться в библиотеку. Это академическое возвращение осталось бы несбыточной мечтой без дружеской административно-политической поддержки Сергея Зуева и Ирины Ронжиной.

Отдельная благодарность – всем студентам и выпускникам Российско-Британской магистратуры МВШСЭН, участ-

---

³ Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2004.

вовавших в «Шанинских школах» последних лет. Большая часть изложенных здесь идей – результат наших семинаров по аналитическому чтению теоретических текстов. Не имея возможности перечислить всех, благодарю только двух самых закаленных бойцов этого невидимого исследовательского фронта: Павла Степанцова и Ксению Ткачеву.

Если бы не проект «Постнаука», предложивший уникальный формат для доступного изложения научных идей, я никогда бы не ступил на скользкую тропу популяризации. Поэтому отдельная благодарность – Ивару Максutowу и Анне Козыревской.

Наконец, без редакторских усилий замечательного антрополога Дарьи Димке эта книга осталась бы нагромождением фактических, стилистических и грамматических ошибок.

И, конечно, неизменная признательность моему учителю – А. Ф. Филиппову.

Убийство Эдварда Драммонда и теория множественных миров

Днем 20-го января 1843-го года пятидесятилетний государственный служащий покинул апартаменты премьер-министра Великобритании Роберта Пия в Уайтхолле и направился по Даунинг-стрит в сторону вокзала Чаринг-Кросс. Подошедший к нему сзади неброско одетый мужчина вытащил из кармана однозарядный пистолет и практически в упор выстрелил ему в спину. Констебль лондонской полиции, ставший свидетелем происшедшего, немедленно обезоружил стрелявшего. Жертвой оказался Эдвард Драммонд – личный секретарь премьер-министра; стрелявшим – Даниэль Макнотен, бывший владелец небольшого деревообрабатывающего предприятия в Глазго, за несколько лет до покушения продавший свой бизнес. Как выяснилось впоследствии, Макнотен был одержим манией преследования: ему казалось, что правящая партия консерваторов объявила ему войну, регулярно подсылает шпионов и практически довела его до разорения. Он всего лишь решил нанести упреждающий удар, выстрелить первым. Жертвой должен был стать не Драммонд, а сам премьер-министр Роберт Пиль.

Эдварду Драммонду была оказана помощь, рана не выглядела тяжелой и все лондонские газеты уже писали о его

успешном выздоровлении, когда, неожиданно, открылось внутреннее кровотечение. Секретарь Пиля скончался через пять дней после выстрела.

Даниэль Макнотен предстал перед судом, где сообщил о преследованиях со стороны тори. Медицинское заключение диагностировало несомненное психическое расстройство параноидного типа. Обвинение стремилось доказать, что «несмотря на частичное помутнение сознания, обвиняемый все же действовал как сознательный и ответственный субъект, понимал последствия своих действий, а потому должен понести заслуженное наказание». Защитник – известный всему Лондону блестящий юрист Александр Кокберн (которому пэрство мешало получить только королева Виктория, не одобрявшая его чрезмерного увлечения женским полом) – настаивал на том, что подсудимый «не контролировал свои действия, а потому не может нести за них ответственность»⁴. После недолгого совещания присяжные согласились с доводами Кокберна. Даниэль Макнотен был признан невиновным на основании помешательства. Его препроводили в психиатрическую лечебницу, где он и скончался двадцать два года спустя.

Однако история на этом не заканчивается.

Взбужденная громким происшествием Палата лордов потребовала от специально созданной комиссии судей ответить на несколько «гипотетических вопросов». А именно:

---

⁴ *Donnelly R., Goldstein J, Schwartz R. Criminal Law. NY.: The Free Press, 1962.*

сформулировать ряд четких критериев, по которым подсудимый может быть признанным ответственным за свои действия, даже если страдает от помутнения рассудка. Ответы, данные судьями, вошли в историю как «правила Макнотена» и очень быстро из предмета юридического спора стали источником новых литературных, философских, психологических и социологических прозрений.

Мы все отчасти знакомы с «правилами Макнотена» по фильмам, где в ходе судебного заседания представители защиты или обвинения произносят фразу «...он был неспособен отличить добро от зла и не понимал последствий своих действий». Это – второе правило Макнотена. Один из вопросов, заданных лордами, звучал так: «Если человек под влиянием болезненно-бредового восприятия фактов действительности совершает преступление с тяжелыми последствиями, то освобождает ли его это от юридической ответственности?». Судьи ответили на него следующим образом: «...при том же допущении, какое мы сделали раньше, а именно, что спорное лицо обладает лишь частичным, выборочным искажением восприятия, а в других отношениях здраво, мы полагаем, о его ответственности следует судить, разбирая его поступки в такой ситуации, как если бы факты, в отношении которых наблюдается болезненное заблуждение, существовали реально („...he must be considered in the same situation as to responsibility as if the facts with respect to which the delusion exists were real“). Например, если под влияни-

ем заблуждения это лицо полагает, будто на его жизнь покушается другой человек и убивает такого человека, как оно убеждено, в целях самозащиты – убийца может быть освобожден от наказания. Если же его заблуждение состояло в том, что покойный якобы причинил серьезный вред его репутации и благосостоянию, и он убил этого человека в отместку за такой предполагаемый вред, убийца подлежит наказанию»⁵.

Макнотен был оправдан до того, как правила, названные его именем, стали общим местом судебной практики. Оправдан, потому что по утверждению его адвоката «не мог контролировать свои действия». Был бы он оправдан по новым правилам? Конечно, история не знает сослагательного наклонения. Адвокату Кокберну пришлось бы доказывать, что Макнотен – в момент совершения преступления – находился в иллюзорном мире, созданном его болезненным воображением. И в этом воображаемом мире на него велась безжалостная политическая охота, вынудившая его действовать из соображений самозащиты, покушаясь на главный источник опасности. Если бы Макнотен – находясь в таком же точно состоянии – выстрелил в Драммонда, чтобы «передать послание Пилю», его следовало бы осудить на казнь. Поскольку тогда это уже не было бы самозащитой даже в мире безумия. Впрочем, многие современные юристы полагают, что по «правилам Макнотена» Макнотена бы все равно осу-

---

⁵ Там же.

дили – поскольку в момент совершения преступления непосредственной угрозы его жизни не было даже в мире параноидальных иллюзий.⁶

Правила Макнотена до сих пор остаются уникальным прецедентом и практическим руководством для юристов. Если человек, живущий в мире безумия, полагает себя агентом секретной службы, которому поручено устранить вражеского шпиона, он – за совершенное им убийство – подлежит принудительному лечению. Если же человек, страдающий психическим расстройством, убивает своего соседа из-за того, что у того, якобы, роман с его женой, он должен быть признан виновным в убийстве.

Английские судьи тем самым признали, что мир безумия является миром *sui generis*, «структурно подобным» миру здравого смысла, и его обстоятельства имеют решающее значение для вынесения вердикта.

Но что значит «структурно подобным»? И что имеет решающее значение: структурное подобие миров или их суверенность, независимость друг от друга?

Спустя полстолетия после выстрела на Даунингстрит в Гарварде была издана книга Уильяма Джеймса «Принципы психологии» (1890) – работа, которой было суждено изменить весь облик психологии XX века. Двадцать первая глава этой книги называется «Восприятие реальности», вплоть

---

⁶ Molan M. T., Molan M., Bloy D., Lanser D. Modern criminal law (5 ed). London: Routledge, 2003.

до сегодняшнего дня она известна социологам чуть лучше, чем психологам. В ней Джеймс впервые обосновал тезис о множественности относительно автономных (но подобных друг другу) миров, предложив попутно их первичную классификацию. У Джеймса таких миров насчитывается семь:

«1) Мир ощущений или физических „вещей“, постигаемых инстинктивно и обладающих такими качествами, как теплота, цвет и звук и такими „силами“, как жизнь, химическое сродство, тяготение, электричество.

2) Мир науки или физических вещей, постигаемых ученым и лишенных вторичных качеств и „сил“ (в общепринятом смысле), в котором реальны только твердые тела, жидкости и „законы“ их движения.

3) Мир идеальных связей или абстрактных истин, принимаемых на веру или могущих быть принятыми на веру всеми и выражаемых в форме логических, математических, метафизических, этических или эстетических утверждений.

4) Мир „идолов племени“, иллюзий или предрассудков, общих для определенного народа. Все образованные люди признают их в качестве одной из „под-вселенных“. Например, к этому миру принадлежит вращение неба вокруг земли. Это вращение не признается ни в одном другом мире, но как „идол племени“ оно реально существует. Для некоторых философов „материя“ существует только как идол племени. В науке таким „идолом племени“ являются „вторичные качества“ материи.

5) Различные сверхъестественные миры: христианские рай и ад, мир индуистской мифологии и т. д. Каждый из них является непротиворечивой системой, между частями которой имеются определенные связи. Например, трезубец Нептуна не обладает никакой реальностью в христианском раю, но в пределах классического Олимпа некоторые его свойства истинны, вне зависимости от присутствия или отсутствия веры в реальность классической мифологии в целом. В один ряд с этими мирами религиозной веры можно поставить множество преднамеренно выдуманных миров – мир „Илиады“, мир „Короля Лира“, мир „Записок Пиквикского клуба“ и т. п.

6) Различные миры индивидуальных мнений, которых столько же, сколько людей.

7) Миры чистого безумия и помешательства, тоже бесконечно разнообразные».⁷

Эта классификация напоминает знаменитую классификацию животных Х. Л. Борхеса, в которой животные, принадлежащие императору, соседствуют с животными, разбиившими цветочную вазу, или нарисованными тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти (в свете этого, любовь Борхеса к философии Джеймса кажется неслучайной).⁸ Однако

---

⁷ *Джеймс У.* Глава Восприятие реальности / Пер. с англ. А. Корбута // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 223–224.

⁸ Напомним, что согласно этой классификации животные делятся на «а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в эту классификацию».

Джеймс детально анализирует то общее, что свойственно нашему восприятию реальности в каждом из миров: будь то «верховная реальность» мира физических вещей или реальность мира безумия. Главное их свойство – непротиворечивость. Все эти миры – здравого смысла, науки, литературы или безумия – блокируют сомнение в их собственной реальности до тех пор, пока вы находитесь «внутри». Вы не сомневаетесь в реальности стула, на котором сидите. Дон Кихот не сомневается в реальности великанов. Физик не сомневается в реальности атомов. Это не значит, что в атомах, великанах и стульях нельзя усомниться – это лишь значит, что в них нельзя усомниться, пока вы находитесь в их мире (здравого смысла, безумия или физики).

В каком отношении миры находятся друг к другу? Являются ли они «суверенными государствами» со своими собственными законами и лишь им одним присущей внутренней логикой? Могут ли миры пересекаться и накладываться друг на друга? Есть ли среди них «метрополии» и «колонии»?

Все эти вопросы составляют часть «джеймсовской проблемы» (которая возникает лишь тогда, когда мы – вслед за английскими судьями – признаем тезис о множественно-

---

сификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух». *Борхес Х. Л.* Аналитический язык Джона Уилкинса / Пер. с исп. Е. Лысенко // Проза разных лет: Сборник. М.: Радуга. 1989. С. 218.

сти миров и их относительном подобии друг другу). Развитие феноменологии в работах Эдмунда Гуссерля⁹ придало «джеймсовской проблеме» особое звучание. Ученик Гуссерля, создатель феноменологической социологии Альфред Шюц, переносит эту проблему в социологию: как устроено наше сосуществование с другими в каждом из миров?

Работа Шюца «О множественности реальностей»¹⁰ – это Ветхий завет социологии повседневности. Прежде всего, потому что для мира повседневности Шюц (вслед за Джеймсом) резервирует особое, привилегированное место. Мир здравого смысла – «верховная реальность». За ним следуют (по степени убывания реальности) воображаемые миры искусства, всевозможных фантазий, игры, научной теории, религиозного переживания и, наконец, сновидения. Каждый мир, по Шюцу, обладает своим «когнитивным стилем»: способом блокировки сомнения в чем-либо, способом действия, способом переживания своего «Я», способом отношения с другими людьми, способом восприятия времени. Скрепляет их все особое «напряжение внимания к жизни» (термин Анри Бергсона¹¹) – оно максимально в мире по-

---

⁹ Э. Гуссерль (1859–1938) – выдающийся немецкий философ, основатель феноменологического направления.

¹⁰ Шюц А. О множественности реальностей / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

¹¹ А. Бергсон (1859–1941) – французский философ, представитель философии интуитивизма, чья концепция времени оказала сильное влияние на феномено-

вседневности и минимально в мире сновидения.

Две главные аксиомы феноменологической социологии таковы:

а) миры замкнуты, переход из одного мира в другой (когда поднимается театральный занавес, когда обрывается сновидение, когда приходит переживание религиозного экстаза и т. п.) сопровождаются «шоком» или «скачком» (этот термин Шюц заимствует у С. Кьеркегора¹²);

б) миры неравноценны – все они являются «колониями» мира повседневности, от которого происходят. Именно этим объясняется их структурное подобие.

Первый тезис у Шюца существеннее второго – миры суверенны. Поэтому шюцевское решение «джеймсовской проблемы» означает буквально следующее: повседневность – это повседневность, игра – это игра, сон – это сон, а безумие – это безумие. Не существует никакой «формулы трансформации» содержаний одного мира в содержания другого, а значит, человека, находящегося в мире безумия, нельзя судить по законам мира здравого смысла. Суверенитет миров важнее их «структурного родства» (на котором акцентировал внимание Джеймс). Впрочем, мы еще не раз вернемся к этому вопросу.

логическую социологию.

¹² С. Кьеркегор (1813–1855) – датский философ религии и теолог, представитель направления религиозного экзистенциализма.

Сегодня «джеймсовская проблема» снова заставляет философов и социологов обращаться за примерами к судебной практике. Например, к возбуждению дела против создателей масштабного сетевого проекта «Second Life» в июне 2007 г. «Second Life» – одна из самых популярных в прошлом трехмерных онлайн-вселенных. Уже к началу 2008 г. в игре было зарегистрировано более 10 млн. участников. По сути, речь идет о строительстве в виртуальном мире своего рода утопического государства. Но с реальными деньгами – заработанные во «Второй жизни» линден-доллары легко обменивать на наличность. (И наоборот, соответственно.) Именно данное обстоятельство позволило ФБР начать уголовное преследование создателей игры за «открытие игорных домов» – поскольку на виртуальной территории «Второй жизни» участники могли потратить свои виртуальные сбережения не только в виртуальных магазинах и виртуальных ресторанах, но и в виртуальных казино.¹³

Признав, что игрок, находясь в воображаемом мире компьютерной игры, должен руководствоваться правилами мира реального (например, «не играть в азартные игры», которые запрещены на большей части территории США), американские власти вернулись к «правилам Макнотена». Их вопрос одновременно напоминает вопросы Палаты лордов к коллегии судей и сюжет фильма «Начало»: если казино находится не в реальном, а в виртуальном мире, остается ли

---

¹³ См.: <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2007/07/26/260393>

оно при этом игорным домом? Что важнее: то, что это «игра» или то, что это «игра в игре»? Если для нас централен тезис о структурном подобии миров (Джеймс), то казино в «Second Life» следует запретить, если более значим тезис об их суверенитете (Шюц) – на мир компьютерной игры не должны распространяться законы США, также как они не распространяются на мир сна или литературы. Если Шюц неправ, то вслед за иском ФБР к Linden Lab Corp. (создателям «Второй жизни») должен последовать иск возмущенных фанатов саги «Песнь льда и пламени» к писателю Джорджу Мартину за убийство единственного положительного персонажа – Эддарда Старка.

Во избежание неприятностей хозяева иллюзорного мира закрыли все сомнительные заведения (чем нанесли существенный урон экономике своей вселенной). Это, впрочем, не спасло их от обвинений «в создании благоприятных условий для пропаганды терроризма и организации преступных сообществ».

Следующий вопрос: как различить «авторские миры» и «миры нерукотворные»? Сновидение или безумие, предположительно, не являются «авторскими проектами». Тогда как мир «Второй жизни» имеет вполне конкретного творца и создателя – Корпорацию Линден-Лаб. Значит ли это, что между этим миром и миром безумия нет разницы? Для Джеймса и Шюца – при всех их разногласиях – нет. А, следовательно, невозможно установить меру ответ-

ственности демиурга (как невозможно установить меру ответственности Б-га за совершаемое людьми).

Чтобы ввести в теоретическую логику фигуру «творца реальности» социологам потребовалось отказаться от обеих аксиом Джеймса-Шюца: миры больше не замкнуты и повседневность больше не занимает среди них особого привилегированного места. Такое теоретическое решение (принадлежащее Ирвингу Гофману) отнюдь не просто далось социологической теории. Но прежде, чем мы рассмотрим его следствия, давайте обратимся к совсем свежему прецеденту, который вновь напомнил миру об актуальности джеймсовской проблемы.

Философия биткоина

Всем, кто читал «Криптономикон» Нила Стивенсона¹⁴, знаком сюжет: группа программистов-математиков пытается создать первую в мире криптовалюту (полностью электронные деньги, защищенные самыми современными методами криптографии), сталкиваясь с сопротивлением мировых правительств и крупных бизнес-игроков. Роман был написан в 1999 г., а первая криптовалюта – биткоины – появилась десять лет спустя, в 2009-м, хотя основные принципы ее распространения были изложены за год до этого в манифесте теоретиков электронных денег.

Один из любопытных вопросов: считать ли биткоины разновидностью виртуальной валюты (как полагают в ФБР и Всемирном банке), независимой частной валютой (как полагает министерство финансов ФРГ) или абсолютно новым, уникальным платежным средством (как полагают их создатели)? Само существование такого рода платежных средств заставляет задуматься экономистов, социологов и философов. История с биткоинами встраивается сразу в несколько долгоиграющих теоретических сюжетов. Первый сюжет: о «платоновском» характере денег. Если деньги представляют собой абсолютно пустую чистую форму, то их главное

---

¹⁴ Стивенсон Н. Криптономикон. М.: АСТ, 2004.

качество – это их количество. Неважно, выиграны ли они в карты или получены от Джорджа Сороса, лежат ли они на карточке, представляют собой грудку мелочи в свинье-копилке или цифру на мониторе. В конечном итоге, деньги оказываются почти платоновскими сущностями, обитающими в идеальном мире экономических отношений (заключенными в платоновскую же пирамиду денежных агрегатов), а все их конкретные проявления – купюры, монеты, расписки и чеки – не более чем знаки, отсылки, метки состояний. Пока за этими метками стояла не только платоновская сущность денег, но и вполне материальный золотой запас, их посторонняя реальность была куда более очевидна. С конца 70-х годов мировая система вступила в фазу развитого постмодернизма (чему в немалой степени способствовали действия самого непостмодернистского политика XX века – Шарля де Голля). Ямайская система 1976–1978 гг.¹⁵

---

¹⁵ По итогам Бреттон-Вудского соглашения (1944) доллар стал мировой валютой, чья стоимость обеспечивалась американским золотым запасом (по цене 35 долл. за тройскую унцию). После того как в 1965 г. Шарль де Голль, в соответствии с этим соглашением, потребовал обменять полтора миллиардов долларов на «реальное золото из Форт-Нокса», Бреттон-Вудская модель пошатнулась. В 1971 г. президент Никсон отказался от золотого обеспечения доллара, возникла Ямайская валютная система, полностью «отвязанная» от золотых запасов, основанная исключительно на свободной конвертации валют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.